

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

ТАНГО
северного
ветра

романтический ДЕТЕКТИВ

Романтические детективы Евгении Кретовой

Евгения Кретова

Танго северного ветра

«Евгения Кретова»

2019

Кретьова Е.

Танго северного ветра / Е. Кретьова — «Евгения Кретьова»,
2019 — (Романтические детективы Евгения Кретьовой)

ISBN 978-5-17-147984-8

Жизнь Стеша устоялась. Родители позаботились и об образовании, и о будущей, перспективной работе дочери. Найден подходящий жених. Дом и дерево – на очереди, с детьми разрешили повременить. Счастливое и обеспеченное будущее, с каждым днем всё больше напоминающее золотую клетку, в которой жених - лжец и предатель, а жизнь похожа на пародию. Дорога из желтого кирпича уперлась в ворота Изумрудного города. Встреча с Егором – молодым офицером-подводником, разбредила жажду перемен. Но хватит ли ей сил, чтобы защитить свое право на счастье, успеет ли она это сделать, встав на пути похитителей знаменитого изумруда Дома Романовых. Аудиоверсия книги — номинант Премии за лучшую аудиокнигу 2019 года — Rock&Book в номинации «Лучшая мужская озвучка».

ISBN 978-5-17-147984-8

© Кретьова Е., 2019
© Евгения Кретьова, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Георг Иван	7
Глава 2. Сейшен	10
Глава 3. «Точка»	14
Глава 4. Новорожденная	21
Глава 5. Золотая клетка	25
Глава 6. Коммуналка	30
Глава 7. Митька	33
Глава 8. Сама	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгения Кретьова

Танго северного ветра

Пролог

17 марта

23.18

Санкт-Петербург

– Тише ты, Лопата, – шипел Горан.

За поворотом, прямо у подслеповатого фонаря, остановилась патрульная машина. Красно-синие отсветы проблесковых маячков рассыпались искрами по мокрым камням. Щелкнула дверца. Из салона, лениво потягиваясь и разминая ноги, выбрался полицейский, присел на капот. Шумно зевнул.

– Серега, до метро надо было допилить, – крикнул он через плечо, – там киоск, хоть пожрать бы че-нить взяли.

– Тебе бы только пожрать... Только заступили ж, – отозвался из машины тот, кого назвали Серегой.

Первый вынул из кармана сотовый, набрал номер. На подбородок и острые скулы упал яркий синий луч.

Горан вжался в стену и втянул живот, стараясь не дышать и не смотреть на патрульного. Три метра. Мужчин отделяли друг от друга лишь несчастные три метра. И корявая водосточная труба.

– Алле, Надюх. – Патрульный приложил телефон к уху, из динамика ему ответил раздраженный женский голос, который услышал даже Горан. – Че сказать-то хотел, – невозмутимо продолжал полицейский. – У меня дежурство в выходной, к маме на дачу не едем. – После чего отвел трубку от головы, позволив потоку ругательств вылиться на мокрую питерскую мостовую.

Горан из своего укрытия видел, как под глазами полицейского пролегли лукавые морщинки.

За рукав легонько потянули: Лопата. Сообщник показал глазами на открытую калитку подворотни. Горан медленно проскользнул в сырой полумрак, сливаясь с обшарпанным кирпичом, и легко посадил напарника. Через пару мгновений Горан перемахнул через низкий парапет балкона на третьем этаже и, прильнув к полу, вглядывался в темноту внизу. Все тихо.

Патрульная машина по-прежнему разбрасывала сине-красные брызги за углом, на площадку внутри двора то и дело залетали разноцветные блики.

Лопата занимался оконной рамой, нежно вынимая квадратики стекол и аккуратно прислоняя их тут же к мокрой стене.

Еще минута томительного ожидания. Скрип балконной двери.

Горан нырнул в затхлое нутро. В нос ударил запах вчерашних щей, выпечки с корицей и антикварной пыли. Последнее он узнавал безошибочно из сотен тысяч ароматов: то была будоражающая ноздри смесь ветхости и чужих страстей.

Мужчина кошкой проскользнул по коридору, не задев ни одну занавеску, не потревожив ни одну скрипучую половицу. Легко, словно тень, зашел в тесную спальню. Узкая тахта справа от входа, под ковриком с персидским узором, рядом – завешанный кружевными салфетками комод. Лавируя между диванчиками и пуфами, упираясь коленями в журнальные столики и прикроватные тумбы, Горан миновал комнату. Дальний угол. Укоризненный взгляд с образов. Чалая лампадка отражается в золоте нимба и жемчуге риз. «Одна эта икона тысяч на две-

сти потянет», – автоматически отметил Горан, протягивая руки и отворачивая прямоугольник иконы к стене.

Подушечками пальцев прошелся по обоям, точно нащупав тонкий, как бритвенный шрам, шов. Костяшками едва слышно постучал по стене, чтобы удостовериться в догадке. Поддел ножом и отодвинул картонку.

Желтый луч слабенького светодиода, кружок сейфового замка, и тайник глухо ахнул, открываясь. Горан усмехнулся.

Сколько лет занимается этим, столько действует одна и та же схема. У него всегда складывалось впечатление, что приходится работать против одной и той же команды: те же шифры, те же места хранения ценностей, те же модели сейфов, та же безалаберность. Он даже радовался, если вдруг шифр подбирался не сразу, был не датой рождения владельца хранилища и не набором последовательных цифр от одного до девяти.

Рука безошибочно нащупала нужный предмет – продолговатую деревянную коробочку: изящная линия узора, старинный, чуть потрескавшийся лак. Шкатулка.

Щелкнул затейливый замочек. Горан затаил дыхание: самый приятный момент в работе, словно достаешь дитя из колыбели. Даже в мутном свете фонарика – острые блики, тонкая огранка, потемневший металл на темно-синем бархате. Пальцы бережно разомкнули крепление.

«Господи, сколько же ты можешь стоять?» – опять пронеслось в голове.

Горан убрал находку в мешочек, захлопнул клапан кармана.

Привычная манипуляция с замком, поглаживание шва – будто отматывая киноленту назад, он повторял все свои действия, шаг за шагом, точь-в-точь, след в след.

Это его личная примета. Как в рассказе Рея Брэдбери «И грянул гром». Не навредить, не оставить отметок, уничтожить все свои следы пребывания в этом доме.

– Ну, че? – Продрогший Лопата ожидал его, распластавшись на полу балкона.

Горан перешагнул через него и бесшумно спрыгнул в темноту. Его работа завершена. И чем дальше он сейчас окажется от крохотной квартирki на третьем этаже, тем лучше.

Глава 1. Георг Иван

10 марта, за неделю до событий

12.08

Санкт-Петербург

Мистер Георг Иван совсем не говорил по-русски. Помнится, бабушка когда-то читала ему сказки на родном языке: роскошные фолианты с красочными картинками в книгах, пахнущих загадкой и древностью. Но с тех пор прошло столько лет, что русский эмигрант мог с уверенностью произнести только «страйстфуйте» и «спасибо».

Дело ему при этом предстояло не из легких.

Чуть более четырех недель назад к нему обратился представительный мужчина средних лет, который назвался графом Ворониным.

– Василий Эрнестович, – уточнил он пожилому специалисту по антиквариату и трасти¹, вальяжно устраиваясь в кожаном кресле в кабинете мистера Ивана. – Вас рекомендовала моя тетушка, мадам Орлова, как грамотного и деликатного специалиста, в разговоре с которым я могу рассчитывать на полную конфиденциальность.

Нотариус с благодарностью кивнул, всем своим видом показывая, что обратился в слух. Гость, отпив крепкого кофе, продолжил:

– Я являюсь представителем одной из древнейших аристократических семей Европы. Мои доверители озабочены поиском и сохранением утраченного в начале XX века наследства. – Он старательно подбирает слова. – Нам стало известно о местонахождении особо ценной реликвии. Мы готовы приобрести ее. Выкупить по любой названной нынешним владельцем цене.

Мистер Иван многозначительно изогнул бровь, уже понимая, что дело стоящее, но еще не понимая, какую именно стоимость своих услуг озвучить. Поэтому задал наводящий вопрос:

– Вы хотели бы оформить с моей помощью сделку?

Гость по-птичьи склонил голову, медленно кивнул. И добавил:

– Мне хотелось бы, чтобы вы для этого отправились в Россию. Владелец интересующей нас вещицы проживает там. Естественно, все расходы мы берем на себя. Компенсация будет щедрая.

Мистер Иван с готовностью улыбнулся: вопрос о стоимости его услуг больше для него не стоял.

Это было в самом начале марта. Лондонская весна еще едва вступала в свои права, по утрам окутывая тощие деревья Гайд-парка синевой плотного тумана. Колкая трава покрывала лужайки, плакучие ивы только примеряли нежно-зеленые полупрозрачные одежды. Колонии нарциссов хоть и не давали аромата, но радовали глаз, особенно в соседстве с ярко-сапфировыми зимними примулами.

Собрав с собой в дорогу только самое необходимое и вооружившись информацией, мистер Иван отправился в путь.

Он представлял себе сказочные горы снега, золотые купола церквей, упирающиеся в небо. Нет, он был достаточно образованным человеком, чтобы понимать юмор в историях про русских медведей и балалайки. И потом, он не уставал напоминать себе, что он – тоже русский. И старался не удивляться ничему.

¹ *Trustee* – доверительный собственник, уполномоченный управляющий трастовым имуществом в трасте (доверительная собственность – институт в английском общем праве, ориентированный на защиту интересов собственников имущества, его наследников, предполагает расщепление прав владения, пользования и распоряжения между сторонами доверительной собственности) (англ.).

Но северная столица встретила его проливным дождем и порывистым ветром, из-за которого «Боинг» трясло при посадке, словно детскую игрушку.

В аэропорту Георга – или Георгия Андреевича, как он решил представляться здесь, чтобы почувствовать утраченные корни, – уже ожидала приятная девушка из юридического агентства «Консул». Правовая помощь местных коллег была ему весьма кстати, и он обратился к ним заблаговременно, когда еще находился в Лондоне.

– Добрый день, мистер Иван. – Девушка приветливо протянула ему руку, белозубо улыбнулась. – Хотели бы вы сразу приехать в наш офис для обсуждения деталей или предпочли бы отдохнуть после перелета?

Георг задумался: ему хотелось быстрее выполнить заказ графа Воронина, чтобы осталось время для визита в Москву, где, как он выяснил у старшего поколения родственников, у его семьи был когда-то особняк. Кажется, он до сих пор цел, и там располагается некое образовательное учреждение. Георгию Андреевичу было любопытно взглянуть на дом, но он не забывал, что ему платили за совсем другое.

– Прежде всего – дела.

* * *

В тот же день, 10 апреля

12.10

Москва

Нежные лучи первого весеннего солнца касались ее рук, оголенной шеи, порозовевших от счастья щек. В темных волосах, прямых и длинных, словно русалочьих, играли золотисто-розовые блики. Сквер был еще пуст и не ухожен: апрель только по-хозяйски обстоятельно осматривал фронт работ, поглядывал на ряды мокрых скамеек и голых кустов, хмуро косился на покрытые тонкой ледяной коркой черные лужи. Медленно кружившаяся девушка своим беззаботным спокойствием вызывала у него удивление. Закрыв глаза и впитывая в себя тепло, по которому так соскучилась в эту пасмурную и холодную зиму, она вдыхала аромат приближающегося лета. За плечами – преддипломная практика, дипломный проект, часы в пыльных залах библиотек, нервные перешептывания родителей. Впереди – шаг в неизвестность.

Сейчас – короткий миг, принадлежащий только ей.

Тревожная мелодия «Кумпарситы» вывела ее из равновесия: на экране светилась аватарка улыбающейся мамы.

– Аллю, – отозвалась девушка, подавив вздох. Все, веселью конец.

– Стеша, что ты так долго? – зазвенел требовательный голос. Мама никогда не работала, зато создавала уют и обустроивала быт своему мужу – Стешину отцу, видному адвокату, профессору кафедры гражданско-правовых дисциплин престижного московского вуза, автору бесчисленного количества работ в области сравнительного правоведения. Наверно, только руководя жизнью такого человека, как он, можно увериться в собственной непогрешимости.

– К метро иду, мам. Только из университета вышла. Марго дипломную приняла, на этот раз без замечаний. – Марго – Маргарита Николаевна Зильбер – научный руководитель, женщина сложная, болезненно реагирующая на знаменитого отца своей подопечной. Она несколько раз заставляла Стешу переписывать дипломный проект, требуя более глубокого анализа.

Мать фыркнула в трубку:

– Да кто бы сомневался... Слушай, захвати в супермаркете сыр вкусненький. Ну, ты знаешь, какой мне нравится. И не задерживайся. В семнадцать сорок пять чтоб дома была. Тебе еще надо переодеться к ужину.

Все ясно. «Переодеться к ужину» могло означать только одно – сегодняшний ужин наверняка не будет семейным.

Стеша слушала материнские указания, лениво перешагивая через темные, покрытые ледяной крошкой лужи. Взгляд девушки неожиданно уперся в светлые глаза с искринкой. Они смотрели на нее как на старую знакомую, будто знали о ней больше, чем может знать прохожий. Высокий худощавый парень в темной военной форме сидел на скамейке и улыбался ей, а в серых его глазах плясали бесенята.

Стеша смутилась и ускорила шаг.

Глава 2. Сейшен

Конечно, Стеша не ошиблась.

Конечно, ее подозрениям было суждено сбыться.

Дома затевался грандиозный «сейшен». Начищено бабушкино столовое серебро, и выставлен хрусталь. Расправлены складки тяжелых штор в гостиной. Паркет отполирован до зеркального блеска.

На маме – элегантные узкие светло-бежевые брюки и свободная блуза навывпуск, на изящной шее – крохотный кулон с изумрудом. Золотистые волосы завиты и нарочито небрежно подобраны, оголив бархатистую кожу. Татьяна Николаевна в свои пятьдесят с небольшим могла дать фору многим двадцатилетним красавицам: стройная, ухоженная, уверенная в себе. На ее фоне Стеша выглядела неоперившимся утенком.

– Ого, – уронила девушка, вручая матери полиэтиленовый пакет из супермаркета и сбрасывая с плеча сумку. – Это такой у нас семейный ужин?

– Приходится заботиться о счастье собственной дочери вот этими самыми, уставшими от семейных хлопот руками. – Мать театрально возвела ладони к потолку и закатила глаза.

Стеша тяжело вздохнула, прячась за дверью собственной комнаты: ясно, Олега позвали.

Олег Савельев – потенциальный жених, которого родители прочат ей в мужья уже года два. Тогда он еще встречался с какой-то девочкой из Твери. «Провинциалка», как ее пренебрежительно называли за глаза Татьяна Николаевна и Ирина Антоновна, Олежкина мать, пришлась им не по вкусу: и наряды не те, и говор, и простовата, и наивна... А в глазах этих двух замечательных мам это означало одно: увлечению мальчика необходимо положить конец. Олега быстро от нее «отвадили».

И стали все чаще звать на семейные вечера к Стешиным родителям.

Савельев не особо сопротивлялся. Балагурил, веселился, никогда ни на что не намекал. Звал Стешу то на концерт модной группы, то просто побродить по городу. Ухаживал не утомительно и довольно мило. Девушку это устраивало: полунамек на симпатию, легкое прикосновение, загадочная полуулыбка.

Ближе к Новому году стал все чаще бывать в доме, все чаще задерживаться у отца в кабинете, все добродушнее и шутивее волочиться за матерью.

В последнее время он стал смотреть на Стешу задумчиво и долго. Будто приглядывался.

Девушка под этим взглядом ежилась и холодела.

Вздрагивала невольно от попыток задержать в руках ее ладонь. Под столом прижаться коленом к ноге. Дотронуться как бы нечаянно до плеча, локтя, груди. Он ей нравился, Олег Савельев, будущий дипломат. Высокий. Красивый. Сильный. Уверенный в себе. И улыбка у него хорошая. И добрый он. И терпеливый. Это все головой хорошо понималось. Но сердце с обреченной тоской замирало, едва мелькала в телефоне его аватарка.

И сегодня сердце чувствовало неладное: хрусталь достали неспроста.

Ближе к половине седьмого вечера затрещал звонок, послышался шум: в холле базили и щебетали чужие голоса. Стеша в узких джинсах и не застегнутой еще рубашке собирала в высокий хвост волосы.

Стук в дверь и одновременное бесцеремонное нажатие на ручку заставили вздрогнуть и судорожно схватиться за пуговицы: в комнату проскользнул Олег. Сегодня особенно начищен, улыбчив и душно обходителен.

– Ты чего тут копаешься? – прошептал он, оглядывая ее с ног до головы взглядом, от которого хотелось закрыться. Притянул к себе за талию, сорвал поцелуй, не замечая воинственно выставленных вперед девичьих рук. Дыхание, горячее и тревожное, заставило сердце

замереть. Его пальцы скользили по напряженным плечам девушки, по узкой спине, спускались все ниже...

Стеша нервно выдохнула и рывком отстранилась:

– Не надо.

Он сделал вид, что ничего не заметил. Улыбнулся беззаботно.

– Ты в курсе, мы всем составом к вам пожаловали?

– Так там – твои родители?!

Он усмехнулся:

– Так и я о том. Отправили тебя позвать предстать пред ясны очи.

Стеша почувствовала, как краснеет. И щеки, и уши, и шея, кажется, даже припухли от волнения. Олег хохотнул:

– Брось! Ты их что, боишься?!

– Не в том дело. – Она с трудом подбирала слова. – Я не ожидала, что они сегодня придут.

Олег улыбнулся еще шире. Аккуратно, чтобы не помять брюки, присел на подлокотник дивана:

– А причину их прихода тебе рассказать? Или сюрприз хочешь?

Девушка почувствовала, что сердце оборвалось и с размаху словно ухнуло в ледяной колодец.

– К-какой сюрприз?

Она понимала, что выглядит как последняя идиотка – и так все ясно. Но неужели вот так, сейчас, при всех, ей придется принимать какое-то решение? Что-то правильное говорить, обещать? Радостно улыбаться? Стеша почувствовала, как ее захлестывает волна паники.

Олег понял ее замешательство по-своему. Прищурился, оценивающе посмотрел на нее.

– К сюрпризу ты явно не готова, – после чего по-хозяйски уверенно распахнул дверцы шкафа и вытащил тонкое шелковое платье, нежно-голубое. – Вот в это переоденься быстро, – не признающим возражений тоном объявил он и, сунув платье ей в руки, выскользнул из комнаты.

Олег все обставил с большим пафосом. Падение на одно колено, прикладывание к руке, влажный взгляд, высокопарные речи – полный голливудский комплект. Кто его надоумил – неизвестно. Но обе маменьки умиленно складывали руки, вздыхали и закатывали глаза.

Уже составлены списки гостей. Выбрано место бракосочетания и свадебного пира. Уже продуманы развлечения и подарки молодым. Мама только изредка поглядывала на Стешу, справлялась, согласна ли она.

Та вначале кивала, выскивая в душе искорку радости и предвкушения счастья, потом перестала. Все решено без нее. Она – перспективная карта в этой колоде.

Не козырный туз, конечно. Десятка – не больше.

Отец после ухода гостей похлопал по плечу:

– Не трусь, дочь. Олежка – хороший парень, перспективный, серьезный, мотивирован на успех и к тебе хорошо относится. Вы только с детками повремените, чтоб и у него все сложилось, и ты не в домохозяйках осталась, с твоей-то головой. Я, кстати, с Василь Геннадьевичем уже все обсудил – он тебя после института сразу к себе забирает. Завтра к нему съездишь, познакомишься поближе с будущим начальником. И там, – он выразительно изогнул седую бровь, – покажи себя во всей красе – такая работа на дороге не валяется.

Итак. Муж выбран. На работу, считай, пристроена. Дом и дерево – на очереди. С детьми разрешили повременить.

Дорога из желтого кирпича уперлась в ворота Изумрудного города.

* * *

10 апреля

17.18

Калининград

Горан неторопливо прохаживался вдоль пустынных в этот час улиц. Исторический центр вызывал уныние и ощущение тревоги: заказчик потребовал повторной встречи. Мужчина незаметно посмотрел в витрину супермаркета, автоматически поправил волосы чернее воронова крыла. Нос с горбинкой и острый взгляд делали его похожим на коршуна. Он был так же беспощаден, как благородный охотник. Так же зорек и безошибочно точен.

Вот только что опять потребовалось Зине?

Два задания не брал из рук одного и того же хозяина ни один уважающий себя охотник. Да и заказчики предпочитали не встречаться с исполнителями своих нелегальных просьб. Этот мерзавец Зина намекнул на то, что задание не выполнено.

Горан хищно прищурился, посмотрел на часы. Еще три минуты ждет и уходит к чертям собачьим, а всем заинтересованным лицам сообщит, что с Зиной связываться не стоит. Пусть попляшет, возвращая свое доброе имя.

Сзади послышались шаги.

Серб резко обернулся и оказался лицом к лицу с заказчиком. Вернее, с его посредником. Это был немолодой представительный мужчина, по виду адвокат или финансовый воротила: белоснежный воротничок, аккуратные усики в стиле Эркюля Пуаро, изящная твидовая пара.

Посмотрев мельком на Горана и убедившись, что тот его заметил и узнал, мужчина, не замедляя шага, прошел дальше, в сторону городского парка. Горан последовал за ним, держась в отдалении.

Зина миновал парк, остановился у разбитого фонтана. Дождался Горана.

– Мой клиент приносит извинения, – начал он вместо приветствия. – Вы передали не тот предмет.

Горан замер, презрительно изогнул бровь:

– Что значит «не тот»? Указания соблюдены точно.

Зина неохотно уточнил:

– Произошла ошибка на уровне информатора.

– В таком случае, это не моя проблема. – Горан развернулся, собираясь уйти.

– Клиент удваивает цену, но просит вас выполнить это задание.

Горан снисходительно покосился на представителя заказчика, усмехнулся:

– Исключено. Это противоречит правилам.

Сделал шаг к проспекту, жалея о потраченном времени и намереваясь-таки подпортить репутацию Зине.

– В таком случае ваша работа не будет считаться выполненной, – донеслось до Горана, и он замер. – Вряд ли кто-то станет разбираться в нюансах произошедшего. Вы рискуете потерять клиентов, знаете ли.

Горан вернулся к собеседнику, мрачно глядя на него. Зина равнодушно выдержал взгляд вора, усмехнулся. Вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт, протянул сербу:

– Здесь инструкции.

– На этот раз я хочу предоплату. Стопроцентную. – Горан мстительно прищурился.

– Вы получите половину обещанного сегодня вечером. Остальное – по окончании дела.

Горан забрал конверт и, чертыхнувшись, двинулся через парк в сторону гостиницы.

Мужчина в твидовом пиджаке дождался, когда Горан скроется за поворотом, и присел на ближайшую скамейку. Вытянув ноги, подставил солнцу морщинистое лицо, наслаждаясь

весной и минуткой передышки. Все будет по плану заказчика. Вор возвращается в северную столицу и пробудет там теперь столько, сколько потребуется ему, Зине. Осталось удержать того, второго: он может понадобиться в определенный момент. В кармане завибрировал сотовый. Мужчина принял звонок, коротко сообщив:

– Все в порядке. Готовьте сопровождение.

Глава 3. «Точка»

11 апреля

Москва

На следующий день она поехала знакомиться с будущим шефом.

Василий Геннадьевич – давний отцовский приятель, еще по студенческим временам. Начинаящий полнеть улыбчивый дядька. Стеша помнила его смутно: последний раз он появился у них в доме лет семь назад, когда случились проблемы в министерстве и он обратился к отцу за консультацией. Они заперлись в кабинете, долго курили и пили черный как ночь кофе.

И сейчас девушка нервничала: вмешательство знаменитого и высокопоставленного отца обязывало соответствовать. Никто бы не поверил, но она завидовала своим подругам, которые точно знали, что их успех – это их личная заслуга, результат работоспособности и везения. Они сами выбирали курс и прокладывали дорогу. Она же всегда чувствовала себя тенью. Ее мир – медленно тянущаяся сквозь сумерки повозка. Ворох обязательств, частокол самоограничений, острые копыта недобрых взглядов и перешептывания за спиной.

«У тебя – светлая голова», – не уставал напоминать отец, подсовывая ей очередную зубодробительную монографию.

Поглядывая на часы на промозгом апрельском ветру, она притопывала ногой и мысленно подгоняла автобус, желтое туловище которого уже показалось из-за поворота и встало на перекрестке, перед красным сигналом светофора.

– Ну, пожалуйста! – Опаздывать совсем не входило в ее планы, уж больно это походило бы на «закидоны» профессорской дочки.

Автобус неторопливо подъехал к остановке, распахнул двери, впуская замерзших пассажиров внутрь. Медлительные горожане оплачивали проезд, чинно проходили через турникет. Стеша уже готова была взвыть. Заскочив в салон, она плюхнулась на свободное сиденье у окна в конце салона. В сумке завибрировал сотовый. Машинально отметив время и подумав, что Василь Геннадьевич может уйти обедать, она увидела на аватарке улыбчивое лицо Динки Ивановой – институтской подруги, рыжей и неунывающей помощницы известного адвоката Лебедева.

– Чего сегодня вечером делаешь? – пыхтела Динка в трубку. Стеша ничего не планировала. – Тогда пошли с нами, мы в «Точку» собрались. Прикинь, там «Гераклион» играет сегодня. Ирка добыла пригласительные. Пойдешь? Можешь и Олега своего взять, места есть, пусть побухтит в коллективе.

Стеша посмотрела в окно: небо набухло тяжелыми тучами. К вечеру наверняка пойдет дождь.

– Пойду. Без Олега, – коротко отозвалась она, не решившись рассказать о вчерашнем предложении руки и сердца. С Олегом давно повелось – звонил только он. В строго определенное время. Он не любил экспромтов. Он не любил неожиданностей и сюрпризов. Даже готовя подарок, он всегда сообщал, что подарит, – чтобы точно «попасть». Представить его на концерте рок-группы – все равно что отправить балерину ощипывать гусей.

Двери автобуса распахнулись, впуская очередную группу пассажиров. Сердце екнуло от неожиданности – в салон входил вчерашний незнакомец из сквера. Тот, с широкой улыбкой и серыми лучистыми глазами. Сегодня он был не в форме. Джинсы, темная парка распахнута на груди, на шее болтаются белые веточки наушников. Заметив Стешу, удивился, но тут же подошел. Чертики в глазах с любопытством уставились на нее.

– Привет. Маленький город, правда? – У него оказался бархатистый голос, в который хотелось укутаться.

Стеша усмехнулась, но промолчала.

– Егор, – представился он. – Ты... Вы далеко путь держите?

Девушка назвала адрес, втихаря разглядывая незнакомца. Худощавый, но плечистый, высокий, лицо едва тронута загаром. Слегка небрит. Улыбка открытая, чуть сдержанная. Лукавый заинтересованный взгляд.

– Ты там надолго планируешь? – все-таки перейдя на «ты», поинтересовался парень.

Пожала плечами:

– От силы час.

Он понимающе изогнул бровь.

– Я могу подождать? – Он склонил голову к плечу в ожидании ответа.

Стеша посмотрела прямо в его глаза: чертики притихли, замерли, наострив лохматые ушки.

– Подожди.

...И потом весь разговор с Василием Геннадьевичем пыталась сосредоточиться и выбросить из головы этого странного парня, который, конечно, поехал дальше. И она его вряд ли когда-то увидит – не бывает в Москве таких совпадений.

Но, выходя из здания, сразу заметила его у колонны: подтянутая фигура и с букетом алых роз.

– Один час двадцать минут и сорок шесть секунд, – улыбнулся он, вручая ей цветы.

– Мог бы и не ждать. – Стеша пожалала плечами, сунула нос в бутон.

– Выходит, не мог, – усмехнулся он и странно на нее посмотрел, будто изучал каждый ее жест. – Пройдемся?

Стеша медленно пошла в сторону бульвара.

– Ты не сказала, как тебя зовут. – Он не спрашивал, он констатировал факт.

– В самом деле? Степанида. – Она с вызовом оглянулась на него.

Удивление и недоверчивая ухмылка:

– Ну конечно...

– Нет, я серьезно. – Стеша рассмеялась: – Степанида Андреевна Сомова.

Он скептически уставился на нее:

– Это ж кем должен работать человек с таким именем. Воспитателем в садике? Чтоб дети мучились? А также их родители, – и он повторил ее имя, будто пробуя на вкус редкий десерт.

– Человек с таким именем должен стать знаменитым адвокатом. Или прокурором... Или судьей. На крайний случай – чиновником. – Девушка многозначительно кивнула в сторону представительного здания с колоннами, из которого только что вышла.

– Тоже, очевидно, знаменитым, – прищурился парень и потер шею.

Она повернулась к нему, запрокинув голову, посмотрела на по-весеннему яркое, преобразившееся за время беседы с Василь Геннадьевичем небо и вздохнула:

– Во всяком случае, такие задачи поставлены родителями.

– Ясно.

Они прошли еще немного, пересекли дорогу, миновали проулок и вышли к скверу. Лохматые елки стряхнули снежные шапки, взъерошились молодыми светло-зелеными иголками. Между голыми ветками каркали вороны, гоняя непоседливых воробьев.

Стеша присела на скамейку, подставила лицо солнцу, совсем как вчера. Егор покосился на нее, устроился рядом. Заложив руки в глубокие карманы парки, наблюдал за стайкой воробьев: те по очереди волокли кусок сладкой булки, то и дело воровато оглядываясь на ворон.

– Ты вчера в форме был. Я – не самый большой знаток этих вещей, но вроде как это морская форма, верно?

– Верно. – Он широко улыбнулся, посмотрел на девушку. – ВМФ. Подводник я. Здесь по делам личного характера...

Стеша округлила глаза:

– Ничего себе. Настоящий подводник?! Прямо вот на подлодке плаваешь?!

Он кивнул:

– Так точно. Но мы говорим: «ходим в моря», с ударением именно на последний слог.

Стеша изогнула бровь, приглядываясь к парню внимательнее. Под ее взглядом у него покраснели уши, а глаза стали плутоватыми.

– Хочешь сказать, что ни разу не видела настоящего подводника?

Девушка кивнула, покосилась на разговаривающую потасовку между воробьями.

– Вот если бы не форма, я бы никогда не подумала, что ты моряк, да еще и подводник.

Он выпрямился, поерзал и уселся удобнее, развернувшись к собеседнице вполоборота.

– А вот с чего бы это, интересно?

Стеша смутилась, посмотрела на него, чувствуя, как краснеют щеки.

– Ну-у, – протянула она неуверенно, – ты высокий. А подводники должны быть небольшого роста, верно? Там же, внутри подлодки, тесно... И потолки, наверно, низкие. Как вот такой высокий молодой человек будет передвигаться. – Она смущенно посмотрела на него, ожидая, что он подаст ответную реплику. Вместо этого девушка встретила со смеющимся взглядом на абсолютно серьезном лице. Она, кажется, видела, как сумасшедшие обитатели его серых глаз гогочут вокруг разведенного костерка. – И потом... У тебя борода. Нельзя же...

Она втянула голову в плечи, ожидая услышать взрыв смеха. Уже кляла себя, что начала этот разговор, и искала глазами пути отступления к метро.

– Вообще, я впечатлен, – без тени иронии проговорил Егор. – Столько недостоверной информации в одной голове!

Стеша рассмеялась. Остатки неловкости рассеялись. Она с восхищением смотрела на него: как ему это удалось? А он между тем продолжал:

– Во-первых, не потолок, а подвол. Во-вторых, согласно Корабельного устава, борода и усы, если они есть, должны быть аккуратными и не препятствовать использованию средств индивидуальной защиты. – Он покосился на девушку. – А насчет роста это вообще инфля на уровне «Википедии»... Допустимый рост моряка-подводника – сто восемьдесят два сантиметра. У меня, правда, сто восемьдесят четыре, – Егор с вызовом прищурился, – но это погрешность в пределах усушки-утряски.

Стеша застонала и, закрыв рот ладошками, захохотала в голос, окончательно спугнув стайку воробьев.

– «Усушка-утряска», это ж еще придумать такое надо! – Она стала вытирать тушь, которая размазалась в самый неподходящий момент. Егор галантно протянул чистый носовой платок, как бы невзначай дотронувшись до запястья девушки.

В сумке завибрировал сотовый.

Стеша замерла. Улыбка сползла с лица, порозовевшие от смеха щеки побледнели – на экране светилась аватарка Олега.

– Извини, пожалуйста, я должна ответить. – Она посмотрела на Егора, тот кивнул и, встав, отошел.

Стеша нажала зеленый кружок на экране.

– Привет, как там твое собеседование? – деловито поинтересовался Олег. – Надеюсь, ты не подвела нас с твоим отцом?

Стешу покорило:

– Не подвела. Только ты-то тут при чем?

– При том что Василий Геннадьевич осведомлен о наших отношениях.

– Осведомлен об отношениях? – Девушка не поверила своим ушам. – С чего это ему должно быть интересно?

– Хороший руководитель всегда интересуется личной жизнью сотрудников.

– Ты тоже? Интересуешься личной жизнью своих подчиненных? – Стеша почувствовала, как в груди взрывается ледяной ком. – Слушай, а как ты это делаешь? Вызываешь к себе в кабинет и так серьезно спрашиваешь: «Спали ли вы сегодня, Дмитрий Иванович, со своей супругой?» Так? Или «Как вы, Дашенька, давно ли были у гинеколога?» Или они тебе сами это сообщают в форме служебных записок?

– Тебя что за муха укусила? – холодно поинтересовался Олег, выдержав паузу. – Я вижу, ты настроена на конфликт. Вынужден прервать наш с тобой разговор, хотя у меня запланировано еще пять минут общения с тобой.

– Что ты говоришь?! Какая жалость... Олег!

– Да? – Голос жениха стал подчеркнуто официален.

– Если мы поженимся, ты тоже звонить будешь строго по часам и сообщать своему начальству о том, как протекает наша семейная жизнь?

– Стеша, мне кажется, ты нездорова. Вероятно, перенервничала. Я перезвоню вечером. В девять-пятнадцать. – В трубке послышался шелест переворачивающихся страниц органайзера: Олег делал пометку. Стеша представила, как он выводит четким каллиграфическим почерком «9.15, позвонить невесте-истеричке». Хотя нет, конечно, он так не напишет: вдруг кто-то увидит его записи, придется объяснять.

– Не трудись. Я вряд ли смогу ответить.

Молчание в трубке.

– Чем же ты будешь занята, я могу спросить?

Стеша прищурилась, злорадно представив, как вытянулось гладко выбритое лицо жениха.

– Спросить можешь, отвечать я не обязана. У меня планы, – отрезала она и, коротко попрощавшись, нажала кнопку отбоя.

Она сжала виски, приложила к пульсирующей вене похолодевшие пальцы, отвернулась, чтобы Егор не видел ее замешательства. Парень тактично ушел подальше, на другой конец сквера, Стеша видела его натянутую как струна фигуру.

Подхватив букет, она направилась к нему.

– Егор, спасибо вам за компанию, мне нужно спешить, – проговорила девушка быстро.

Чертики в серых глазах смотрели с пониманием и грустью. Чтобы не тратить время на ненужные объяснения, Стеша заставила себя улыбнуться, махнула рукой и побежала в сторону метро:

– Приятно было познакомиться, удачи!

Он что-то сказал ей вслед, она не расслышала за шумом проходящего мимо автобуса.

Не оглядываясь и не сбавляя шаг, почти как Золушка со злосчастливого бала, она покинула сквер и нырнула в душное нутро метрополитена.

* * *

Клуб «Точка» располагался в самом центре. Небольшая сцена, хороший звук, просторный танцпол сделали его культовым местом отдыха молодежи. Здесь не было безбашенных малюток. Сюда приходила почтенная публика, в душе которой играл благородный рок.

Стеша выбралась из метро почти в шесть. Начал накрапывать холодный дождь, и девушка подставила бледное лицо апрельской прохлады. Идти на концерт особого желания не было, но отказаться сейчас – значит нарваться на Динкин допрос с пристрастием, а психологических бесед и экзерсисов сейчас хотелось меньше всего.

Встреча с Егором всколыхнула что-то в душе девушки. С ним оказалось легко. Интересно. Он никого из себя не строил, не пытался произвести впечатление. Удивительно, но она

чувствовала себя рядом с ним живой, настоящей. Вздых полной грудью. Свободный полет под облаками.

Возвращение в свою реальность оказалось тем более тягостным.

– Стешка! Пришла! – Около входа в клуб к ней подлетела Динка, сумасшедший начес на ее рыжей шевелюре делал подругу похожей на огненный смерч. – Глянь, какая штука у меня есть.

Она закатала рукав пальто выше локтя, демонстрируя подруге татушку с феерическим драконом с обложки последнего альбома «Гераклиона». Стеша вытаращила глаза:

– Ты с ума сошла, что ли? Всю жизнь теперь прятать! Лебедев² тебя уволит! Вначале убьет, потом уволит, именно в такой последовательности!

Подруга самодовольно осклабилась:

– Не уволит. Он прогрессивный дядька. Деревня ты! Это ж временная. Но зацени, как круто?

Стеша пожала плечами.

Молодой парень в гардеробе принял их пальто, мельком глянул на пригласительные и выдал ядовито-зеленые браслеты:

– Вам в «Зеленую зону». Прямо и направо, рядом с баром.

– Кру-уто! – Динка уже пританцовывала. Взбитые густой пеной рыжие волосы походили на ядовитый пар от закипающего чайника. – Ирка тоже уже должна подойти.

– Так она не там, в зале?

Из-за искусственного дыма и сигаретного смога Стеша чувствовала першение в горле, а от надрывного рева электрогитары, прорывавшегося из зала, подташнивало и звенело в висках. Она уже жалела, что согласилась прийти.

Динка неопределенно махнула головой.

– Какая разница? Не там, значит, подойдет. Большая девочка. Найдемся.

Стеша покачала головой и полезла в сумку за телефоном.

– Договорились вместе, значит, и надо вместе. – Она с жалостью посмотрела на горящую нетерпением подругу. – Ты иди. Я дождусь ее, найдем тебя в этой самой зеленой зоне.

Динка фыркнула и бросилась внутрь. Стешу, словно цунами, накрыло оглушительным слайдом бас-гитары. Подруга скрылась в мерцающем мареве огней и тяжелого бита.

Стеша присела на край дивана, достала телефон. Заметила зеленый значок мессенджера с красной циферкой неприятого сообщения. Ирка писала, что задерживается минут на десять, и просила подождать ее в холле. «А то где я вас там искать буду», – резонно приписала подруга.

Стеша посмотрела на время отправки сообщения: Ирка три минуты как должна быть здесь. Девушка решила попробовать набрать ее номер, но связь ловила плохо, треугольник шкалы то мелькал на единичке, то пропадал вновь. Выставив вперед руку с сотовым, девушка пошла по вестибюлю искать связь.

Лучше всего «ловило» в туалете, причем чем выше, тем лучше.

Сбросив узкие туфли, Стеша вскарабкалась на крышку унитаза. Раздались протяжные, тягучие, как майский мед, сигналы.

– Я уже вышла из метро! Бегу! – крикнула Ирка в трубку и отключилась.

В туалет кто-то зашел, в нос ударил приторно-сладкий аромат духов. Стеша аккуратно спустилась, надела туфли.

– Але, Котик, – прошебетал кокетливый голосок у раковин. – Ну я соскучилась уже. Ты когда подъедешь?

² Об адвокате Руслане Лебедеве читайте в книге Евгении Кретьовой «Неслужбный роман».

Стеше неловко было оказаться случайным свидетелем интимного разговора, но и выходить из кабинки сейчас тоже как-то неудобно. Она замерла и притихла, стараясь не прислушиваться. Ей представлялась блондинка в провокационном мини и в кукольно-розовом топе.

Незнакомка радостно вскрикнула:

– Правда? Уже здесь? Лечу к тебе!

И она, окутанная конфетным ароматом, выпорхнула из дамской комнаты.

Стеша вышла из кабинки, вымыла руки, пригладила волосы. В таком освещении она была похожа на панночку из гоголевского «Вия»: бледная кожа, брови вразлет, пронзительный взгляд. Веночка не хватает и белого балахона. Девушка хмыкнула, подхватив сумочку и сотовый, направилась к выходу.

У гардероба миловались двое. Блондинка в головокружительном, едва прикрывающем пятую точку мини и на двенадцатисантиметровых шпильках терлась грудью о высокого художавого парня, томно висла на его шее, оставив ножку в чулках в крупную сетку. Тот млея и таял от внимания, улыбался глупо и влюбленно.

Стеша замерла, почувствовав, что дышит с трудом. Отпрянув, присела на край дивана. Распахнулись двери зала, выпуская из его недр тоскливое вступление знаменитого аллегретто Палладио в талантливой рок-обработке. Произведение, нелепо названное кем-то «Танго смерти», заставило сердце сжаться.

Незнакомка нежно прильнула к губам парня, прижалась к нему стройным телом. Его руки обхватили ее талию, скользнули ниже поясицы, поглаживая упругие бедра, сжимая ягодицы.

Мысли медленно и тяжело, будто жернова, кружились в такт вырывающейся из зала музыке. Ударные бились волнами о грудь, пульсировали в висках.

Стеша облизнула пересохшие губы. В руке завибрировал телефон. Не глядя – она знала, что звонит Ирка, – девушка нажала кнопку сброса вызова.

Входная дверь распахнулась, обдав целующихся апрельской свежестью и ароматом дождя. Ирка, всклокоченная, в промокшей на плечах куртке, громогласно поздоровалась со всеми присутствующими, чем невольно отвлекла обнимающуюся парочку. Парень, еще томно прикрывая глаза, оглянулся и замер. Блаженная полуулыбка таяла на его скуластом лице.

– Олег? – Голос Ирины сорвался, глаза округлились, взгляд скользнул по прижавшейся к парню нимфе, задержались на красноречиво сжимающих ее зад руках.

– Олежа, кто это? – Блондинка капризно надула губы, с интересом уставилась на Ирку.

Парень моргнул, по белому лицу пошли малиново-красные пятна, в глазах читался судорожный поиск алгоритма оправданий. Ирина отвернулась, чтоб не видеть его окаменевшего лица, и встретилась взглядом со Стешей.

Савельев отстранился от подруги, автоматически приняв отрешенный вид, но по лицу невесты понял, что она видела все.

Все, что ей видеть не полагалось.

Все четверо замерли. Из зала вырывалось волнами аллегретто. Пауза. Стремительный каскад по оголенным нервам. Незнакомка в мини обиженно скривилась, уже открыла рот, чтобы начать ныть.

Ирина шумно выдохнула: махнув через крохотный вестибюль, она схватила подругу за локоть и поволокла вон, мимо остолбеневшего и шепчущего невинные оправдания Олега.

Мощный слайд. Пауза. Аккорд. Лицо Олега плыло перед Стешей, словно в замедленном немом кино. Она до мельчайших подробностей видела глаза, растрепавшуюся в объятьях знойной красотки прическу, к которой он никогда не разрешал ей, Стеше, прикасаться, расстегнутый ворот рубашки, которую она, Стеша, ему подарила на день рождения. Терпкий аромат модного одеколлона смешался с приторно-сладким запахом блондинки, вызывая приступ дурноты. Ведь только вчера в любви и верности клялся!

И в следующее мгновение она оказалась на свежем воздухе. Прохлада чистого апрельского вечера, накрапывающий дождик освежили ее, ворвались в легкие, омыли глаза, ноздри, освободив от конфетного аромата.

Как куклу ее засунули в желтое такси.

Над ухом что-то орал Иркин голос. Хлопнула дверца авто.

Крепкие, словно тиски, объятия подруги.

– Все, все, – шептала она, прижимая голову Стеши к своей груди, приглаживая волосы, озябшие плечи.

Стешу била мелкая дрожь.

Глава 4. Новорожденная

Мимо проплывала шумная вечерняя столица.

Водопады огней, автомобильный шум и гомон, сотни тысяч торопливых ног и тоскливых глаз. Такси, умело объезжая городские пробки дворами, узкими улочками, приближалось к дому.

Ирина все говорила что-то рядом. Кажется, возмущалась и ругалась. Стеша не слушала. В груди поселилась пустота. Она растеклась по телу, заполнила клетки холодом и равнодушием. Мозг автоматически соображал, выдавал какие-то решения, но этого было мало, чтобы снова почувствовать себя человеком.

Несколько лет назад она смотрела фильм об удивительном искусственном интеллекте, который мечтал стать живым, стать мальчиком. Но не мог. Потому что не чувствовал. Стеша ощущала себя таким же совершенным, но неживым организмом. Способным говорить, думать, но лишенным эмоций.

Перед глазами вставала целующаяся парочка. Ухоженный парень в дорогом костюме, подаренной ею рубашке и льнущая к нему, тающая, словно бельгийский шоколад, блондинка.

Стеша думала, ей должно быть все равно. Она думала, что не любит. (Нет, неверно. Она ПОНИМАЛА, что не любит.) Тогда почему так противно, так холодно на душе, почему в сердце будто кусок зеркала злобного тролля попал? И оно перестало видеть все хорошее?

В руке надрылся телефон, извиваясь и вибрируя. Девушка, даже не глядя на экран, знала – Олег. Она представляла его растерянное лицо, дрожащие от бессилия руки, злость.

– Стеша? – Ира осторожно дотронулась до ее руки. – Приехали...

Подруга заглядывала в лицо, сочувствовала, переживала.

– Не смотри на меня так. – Фраза получилась резкой. Стеша не хотела обидеть. Ирка отвела взгляд, украдкой вздохнула, бросила сурово:

– Не истери, подруга. Подумаешь, мужик сволочью оказался и бабником. По сути, все они – бабники: кто-то в большей степени, кто-то – в меньшей. Тебе не повезло, считай, но лучше сейчас, чем потом, после свадьбы. – Она махнула рукой и энергично кивнула. – Ничего, начнешь новую жизнь.

Они миновали блестящую от дождя, пустынную детскую площадку, вошли в подъезд, поднялись пешком на пятый этаж. Стеша шла медленно, будто взвешивая каждый шаг. На самом деле – оттягивая момент, когда ей придется прийти домой. Ирка сопела сзади, тревожно посматривала ей в затылок.

– Ир, не надо меня провожать. И опекать как новорожденную тоже не надо, – попробовала избавиться от подруги девушка. Ей хотелось одиночества. Чтобы разложить по полочкам то, что накопилось в душе.

– А ты и есть новорожденная, – пробурчала подруга. – Сейчас Татьяне Николаевне тебе передам, валерьянки стакан налью... Хотя лучше, конечно, коньяк, но мать твоя небось не даст...

– Не даст, – уныло отозвалась Стеша.

Ирина не успела нажать кнопку звонка, ее рука с вытянутым указательным пальцем так и повисла в воздухе – дверь распахнулась, на площадку вылетела Татьяна Николаевна, как всегда в состоянии полной готовности к приему гостей и походу на званый ужин.

– Стеша! – вскрикнула мать. – Объясни мне, что происходит? Олег оборвал телефон, волнуется, переживает. Говорит, вы повздорили, ты убежала и теперь не берешь трубку. Что за ребячество! Разве взрослые люди так поступают?

Это все было высказано сразу, в запале, прямо на пороге уютной и благоустроенной квартиры.

– Я не хочу его видеть, – коротко сказала девушка, просачиваясь мимо матери домой. Устало присела на пуф, сбросила туфли. Ирка замерла в дверях.

Татьяна Николаевна уперла руки в бока, посмотрела на дочь сердито.

– Что значит «не хочу видеть»?

– То и значит. Не хочу. – Стеша аккуратно поставила «лодочки» на полку для обуви. – И не буду.

Мать на мгновение потеряла дар речи, беспомощно развела руками, но тотчас же опомнилась.

– Это что же ты могла такое учудить, что тебе стыдно ему на глаза показываться?! И почему ты раздета? Где твоё пальто?! – Её голос становился все громче и нервнее.

От её слов Стеша вздрогнула, как от пощечины. Острые плечи напряглись под ткань блузки.

Ирина, стоявшая на пороге и беспокойно посматривавшая то на Татьяну Николаевну, то на подругу, поняла, что ей пора вмешаться:

– Татьяна Николаевна, это, возможно, не совсем моё дело, но вы на Стешу зря нападаете. Олег с какой-то кралей в клубе лизался. Я это видела собственными глазами. И Стеша – тоже.

Татьяна Николаевна не удостоила Ирину взглядом, бросила через плечо:

– Вы совершенно правильно заметили, Ира, это не ваше дело... Спасибо, что привезли дочь.

Ирка покраснела, сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

– Мам, не надо так с Ирой. Она моя подруга... И она говорит правду. Олег целовался с другой девушкой. И ему это чрезвычайно нравилось. Я видела.

Татьяна Николаевна всплеснула руками:

– Этого просто не может быть. Ты наверняка что-то неправильно поняла!

– Ни фиги себе неправильно! – возмутилась Ирина. – Что тут можно неправильно понять?!

Не говоря больше ни слова, Стешина мать схватила Ирину за локоть и вытолкнула на лестничную клетку, после чего с грохотом захлопнула за подругой дочери дверь.

Стеша покачала головой и направилась в свою комнату.

Татьяна Николаевна бросилась за дочерью:

– Стой, не смей уходить, пока я не закончила с тобой разговаривать!

Девушка зашла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

* * *

– Катя, подожди минутку. – Олег в очередной раз сбросил номер и в очередной раз набрал его снова.

Он с удивлением отметил, что руки у него дрожат.

Выставив локоть, вынудил прижавшуюся к нему девушку отодвинуться. Они сидели в машине припаркованной у подъезда его дома. Катя, распахнув плащ и соблазнительно оголив грудь, едва прикрытую обтягивающим топом, наматывала на палец белокурый локон.

– Олежа, что с тобой? – Блондинка обиженно достала из сумочки зеркальце и помаду, подкрасила губы. Подмигнув своему отражению, захлопнула круглую коробочку в золотых вензелях.

Олег не захотел оставаться на концерт, чем её расстроил. Но зато у неё появилась возможность залезть в ту часть его жизни, которой было запрещено касаться под страхом разрыва.

Парень, всегда ласковый и приветливый, после этой странной сцены в клубе изменился в лице и весь побагровел. И даже назвал её, Катю, дурой. Ругал за несдержанность, отчитывал, что вечно лезет со своими поцелуями в общественных местах. Так и сказал: «в общественных

местах» и «лезешь». Блондинка готова была обидеться и оскорбиться. Но понимала, что не время. Эта девчонка с длинными волосами и бледной русалочьей кожей кем-то была в жизни Олежи. Кем-то, кем ей, Кате Савушкиной, никогда не быть.

Олег корил себя, что позволил Стеше уйти, и сейчас, когда она не отвечала на его звонки, чувствовал, как ситуация выходит из-под контроля.

А он терпеть не мог, когда что-то выходило из-под его контроля.

Опять выслушав равнодушные гудки, он сунул телефон в карман. Катя, кокетливо поправив волосы, исподлобья смотрела на него.

– Может, ты наконец скажешь, что происходит? – проговорила она. – Что это за девка была в клубе?

Олега покорило:

– Это не девка. Это моя невеста.

Катя презрительно скривилась.

– Не-ве-еста, – хмыкнула она и повела худеньким плечом. – Котик, а я тогда кто?

Савельев мысленно выругался, распахнул пассажирскую дверцу, впусив в салон промозглый ветер и мокрую взвесь дождя. Бросил грубо:

– Все, приехали, выходи...

Блондинка не двинулась с места и смотрела на него с жалостью:

– Она так нужна тебе? Эта твоя невеста?

Олег молчал, нервно барабанил по стеклу.

Катя сбросила с себя маску дурочки, проговорила спокойно:

– Хочешь совет, Котик?

Он опять молчал, но барабанить пальцами перестал. Катя расценила это как знак согласия.

– Не езжай сейчас к ней.

Олег молча уставился на мокрое от дождя лобовое стекло.

– Ей надо успокоиться. Завтра купишь букет, придешь, признаешься в любви и вечной верности. Скажешь, что ей вообще все показалось. Она же еще у тебя прощения просить будет за то, что тебя, такого милашку, заподозрила в нехорошем. – Она недобро хихикнула. – Пойдем, Котик. Тебе тоже надо расслабиться. Я буду сегодня особенно ласкова с тобой.

И она нежно дотронулась до его запястья. Тонкие пальцы скользнули выше, под рубашку, пощекотали кожу. Девушка наклонилась к нему, уткнулась носом в плечо.

– Ну же, Котик, – приоткрыв рот, она чувственно поцеловала его шею.

Его обдало приторно-сладким ароматом, от которого мутнело в голове. Он не пошевелился. Катя обвила его руками, притянула к себе. Изогнувшись, страстно прильнула к нему, приложила узкую ладонь к напрягшемуся животу, скользнула ниже.

– Ну же, Котик, – горячо прошептала в ухо, прикусив мочку и тут же приласкав ее кончиком язычка.

Олег медленно выдохнул.

Она знала этот момент. Только что думал о той, другой. А сейчас чувствует только ее руки, ждет только ее ласок. И она ему их сегодня подарит. Что там его будоражило последние дни?

Эксперименты мистера Грея из скандального кино?

Будут ему сегодня эксперименты...

Черта с два он ее бросит после этого.

* * *

Через час, изрядно уставшая, она ждала, когда за Олегом захлопнется дверь в ванную. Встала с измятой постели, отбросив ногой свой скомканный шелковый шарф и галстук Олега. На комод, между рамками с фотографиями, нашелся ее телефон. Остановив программу съемки, она заглянула во вкладку «галерея», самодовольно ухмыльнулась. Ловко подхватив брошенный любовником пиджак, достала из внутреннего кармана смартфон, быстро активировала экран и посмотрела последний набранный номер.

Набрала со своего сообщение, стерла текст, прикрепив к письму семь самых подходящих, с ее точки зрения, снимков. Нажала зеленую кнопку.

Убедившись, что сообщение отправлено, убрала телефон в сумочку, а сотовый Олега вернула в карман. Бросила пиджак на прежнее место.

Оценив обстановку, направилась в ванную.

Чуть приоткрыла дверь и, просунув в образовавшуюся щель стройную ножку, прошептала:

– Котик... А я еще не все сюрпризы тебе показала.

Глава 5. Золотая клетка

Наконец она осталась одна.

Не раздеваясь, легла на диван, положив ноги на подлокотник – не очень удобно, но ей все равно.

Обрывки фраз, буквы сложились в вопрос, который повис над ее изголовьем, подсвечивая его изумрудно-красным маревом: «За что?»

Что она, Стеша Сомова, двадцати трех лет от роду, умница и отличница по жизни, послушная дочь и верный товарищ, сделала не так?

«Все, что нас не убивает, делает сильнее. Отлично. Новость об измене Олега меня не убила. Значит, сделала сильнее. Для чего? Какие планы у Всевышнего на меня, чтобы провести через эту грязь и мерзость? Через вот этот взгляд матери и слова „Что ты там такое натворила?“»

Телефон вздрагивал и гудел, не переставая. Пришлось встать и выключить.

В дверь требовательно постучала мать:

– Степанида, открой немедленно! Что за глупые выходки?!

Стеша тупо уставилась на ручку и включила магнитофон громче. Стоял как раз диск группы «Ария». «Есть точка невозврата из мечты». «Это как раз про меня». – Стеша опять легла, закрыла глаза.

Мерзко не то, что он полюбил другую: от этого никто не застрахован. Мерзко вранье – грубое и систематическое. Заставлять ее звонить по часам, встречаться в строго отведенные дни, строить совместные планы, предлагать платье, в котором ей следовало предстать перед будущей свекровью...

Тихо стучали настенные часы, доставшиеся от прабабушки. Мать хотела выбросить их, Стеша спасла, спрятав в своей комнате. Деревянная кукушка выглянула из своего домика, прокуковала десять раз. Закат за окном медленно остывал: над горизонтом стелилась тонкая малиново-красная полоса, утопая в угольно-черном.

Острое чувство одиночества овладело Стешей.

Она слышала, как вернулся с работы отец.

Закрывшись на кухне, родители долго о чем-то разговаривали. Впрочем, девушка знала, о чем. И о ком. Устало закрыла глаза, прислушиваясь к пустоте внутри.

– Таня, я тебя просто не понимаю! – донеслось сквозь эту пустоту. Слово мостик из небытия.

Неразборчивый шепот матери в ответ.

– Так показалось или целовался? – громко прогремел он. Снова возбужденный шепот матери. Стеша разобрала слова «он говорит» и «недоразумение».

Девушка распахнула глаза, вся обратилась в слух. Голос отца, суровый и отчетливый, разрезал сонный полумрак благоустроенной квартиры:

– Я не знаю, что ты там себе придумала. Но вот что я тебе скажу, – он сделал ударение на слове «я», – Степанида не на помойке себя нашла, чтобы соплю глотать, пока он по девкам бегать будет. Еще чего не хватало! И тебе как матери должно быть стыдно, что ты сейчас здесь со мной чай распиваешь, а должна быть там, с дочерью...

Он что-то еще говорил, теперь уже тихо и отрывисто. Послышались всхлипывания матери. Стеша села.

А в следующий момент узкая полоска света скользнула по паркету и в комнату к дочери вошел Андрей Иванович.

Замер на пороге, привыкая к темноте.

Прошел внутрь, присел рядом с дочерью на диван, устало вытер лысину.

– Дочь, мне мама все рассказала. – Он помолчал. – Ты мне скажи – правда, целовался?

– Правда. Ира тоже видела... Она меня оттуда и уволокла.

– Молодец девка... Спасибо ей, – вздохнул отец. – Видишь, как оно бывает.

– Пап, мне не больно. Просто... пусто.

Он вздохнул снова, похлопал ее по острой коленке:

– Все перемелется, мука будет. Может, тебе путевку в санаторий взять? Отдышаться и обдумать все?

Она покачала головой. Отец посидел минуту-другую, вздохнул еще раз и вышел. Стеша слышала, как его шаги стихли в родительской спальне.

«Надо позвонить Ирке», – мелькнуло в голове. Девушка потянулась к сотовому, включила аппарат, замороженно наблюдая, как на черном экране расцветают ярко-синие и золотые диковинные узоры.

Мигнула заставка, показывая пропущенные вызовы и сообщения. Динка звонила, Ирина. Семь раз Олег. Непринятое сообщение от неизвестного абонента. Стеша подумала, что по работе. Открыла вкладку.

Неприбранная комната. Растерзанная постель. Олег над распластавшейся девицей. Властные руки удерживают ее, грубо и непристойно. Страстные объятия. Смена поз. Его лицо. На губах – самодовольная ухмылка, в глазах – дьявольский огонь, наслаждение и похоть.

Стеша выронила аппарат, прижала ладони ко рту, удерживая крик и приступ тошноты.

Какую роль он ей уготовил? Хотя... Стеша и так понимала: ждать с работы, терпеть его «занятость», не задавать «лишних» вопросов, пока он будет наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях. Перед глазами встала целующаяся пара. «Котик», блин. В носу засвербело от всплывшего в памяти приторно-сладкого аромата.

Бросив в сумку пару сменного белья, свитер и запасные джинсы, она пересчитала отложенные на отпуск деньги. Торопливо вышла из комнаты, но почти сразу же нос к носу столкнулась с матерью.

– Ты куда собралась?! – Испуганный взгляд на дочь, на зажатую в руках дорожную сумку. – Андрей!

– Проветриться, – и, не дожидаясь, пока мать опомнится, подхватила ботинки и выскочила на лестничную площадку. Сбежала на несколько пролетов вниз и только тогда нажала кнопку вызова лифта, не слушая, что кричит наверху мать. Обулась в кабине и, не оглядываясь, пробежала через пустой холл и выскочила во двор.

Холодная изморозь, тонкая корка льда на лужах. Ветер в лицо.

В ушах – четкий, как биение собственного сердца, ритм, который взрывается слайдом в висках. Ее личное танго смерти. Танго в ритме *sforzando*.

Железнодорожный вокзал. Оранжевый продолговатый билет в один конец в вечно мятежный город.

Душное тепло плацкартного вагона.

Она прошла на свою «боковушку», мельком взглянула на брошенную пассажиром верхней полки спортивную сумку и устало присела на свое место, уставившись в черноту ночи.

За спиной возились, устраиваясь, пассажиры. Пожилая женщина с ребенком попросила достать теплые одеяла с верхней полки. Стеша, словно во сне, помогала, кивала, вымученно улыбалась. Лишь бы избавиться от вопросов. Лишь бы снова отвернуться в черноту ночи.

В отражении мелькнула смущенная улыбка, темная фигура в военной форме замерла у откидного столика.

– Привет. – Бархатистый голос, в который хотелось укутаться.

Она резко обернулась от неожиданности: светлые глаза смотрели удивленно и улыбались. Бесенята в их глубине озадаченно перешептывались: разве такое бывает?

Егор покосился на онемевшую девушку, снял китель с широких плеч и, забросив дорожную сумку на верхнюю полку, присел напротив. Прислонился спиной к жесткому пластику плацкартного вагона. На губах играла полуулыбка.

Чертики в светлых глазах замерли в ожидании.

Стеша искала слова, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу. И не находила. Беспомощно крутила белые проводки наушников, наматывая на указательный палец и разматывая вновь. Егор решительно придвинулся к столику, положил руки перед собой, загадочно улыбнулся:

– Чаю хочешь?

* * *

Мерный стук колес, полумрак заснувшего плацкартного вагона, две кружки крепкого чая, нетронутая упаковка печенья на столике и плитка темного шоколада. Стеша ловила заинтересованные взгляды соседей. Их не трогали, не звали поболтать, старались не мешать.

Егор рассказывал о море, и его глаза странно искрились. Девушке казалось, что она смотрит кино – так ярко расцветало холодное северное море в его стальных глазах. Она чувствовала соленый привкус на губах, порывы колкого ветра.

Егор дважды доводилось испытать автономное плавание. Судя по всему, это было неплохо.

– А ты, ты почти дипломированный юрист? – В его глазах пытливые внимание и любопытство, желание разговорить.

Стеша кивнула:

– Почти. Госы и защита диплома остались.

– И дальше: преступников ловить?

Девушка тихо рассмеялась:

– Надо же, столько недостоверных предположений на уровне «Википедии» в одной голове, – с иронией вернула его же шутку она собеседнику.

Он понял и широко улыбнулся. Смущенные чертики затаились в глубине серых глаз. Стеша пояснила:

– Просто это самое распространенное заблуждение. Почему все думают, будто кроме работы в уголовном розыске юрист больше нигде не нужен?

– Не, – отмахнулся молодой человек. – Дело не в этом, а в том, что романтически настроенные девушки мечтают о тяжелой работе следователя. Не знаю зачем. Доказать что-то? Преодолеть себя?

Стеша поставила локти на стол, посмотрела пристально:

– А я – романтически настроенная девушка?

Егор просиял:

– Конечно! Бросить все ради побега в Питер? Для этого нужен адский приступ романтизма.

Стеша смутилась. Опустив глаза, вцепилась в кружку с остывающим чаем.

– А с чего ты взял, что «бросив все»?

– По глазам прочитал. – Он прищурился. – Когда увидел отражение твоего лица в стекле... Но я не лезу с вопросами: не хочу, чтобы ты решила от меня избавиться и отправилась спать на верхнюю полку. Я на ней не помещусь.

Он примирительно протянул девушке печенье и шоколад.

– Не отправлю. – Она отломил тонкий прямоугольник. – Как оказалось, что ты стал моряком-подводником? Династия?

– Не-а, не угадала. У меня отец – военврач в Солнечногорском госпитале. Мама – учитель истории в школе. Я море никогда не видел. Наверно, поэтому оно мне снилось. Холодное, с тяжелыми, будто свинцовыми волнами.

– На Северный флот сам попросился?

Он кивнул, посмотрел на нее задумчиво.

– А родители как восприняли твоё распределение?

– Нормально. Служба такая, – уклончиво отозвался Егор и улыбнулся. – Мама переживает, конечно. Регулярно шлет носки и полушерстяное белье.

Стеша отрешенно пробормотала:

– Такая у нас работа: волноваться.

Егор бросил на нее внимательный взгляд, прищурился.

– Ты где в Питере остановишься?

Этот вопрос застал Стешу врасплох, она растерянно пожала плечами. Лицо Егора вытянулось:

– Да ну! Серьезно? В Питер? В ночь? В никуда? – Он облокотился на стол, положив руки перед собой. Стеша покосилась на длинные, тонкие, словно точеные пальцы; про такие говорят – музыкальные, если бы не горбик на мизинце. – Я могу предложить тебе помощь?

Хорошо, что полумрак вагона скрыл её замешательство и румянец на щеках.

– Зачем? Я справлюсь.

– Оставлять женщину наедине с бедой – не по-гусарски.

– Ты же не гусар, а подводник! – Стеша грустно усмехнулась.

– Я русский офицер. И мужчина. Род войск здесь значения не имеет, – отрезал он. – Так я могу тебе предложить помощь? – И, не дожидаясь ответа спутницы, изложил суть: – Пока ты не разберешься со своими проблемами, можешь жить у меня. Мы с сокурсником снимаем квартиру недалеко от Академии. Его супруга у родителей до середины мая, я переберусь к нему в комнату. Так что твоя комната будет абсолютно свободна.

Стеша смутилась ещё больше.

– Это неудобно. – Она постаралась говорить как можно более твердо. – Спасибо, но нет.

– Почему? Объясни, пожалуйста. – Длинные пальцы дали короткую дробь по столешнице. Девушка не могла отвести взгляд от его рук, медленно выдохнула, будто перед погружением под воду.

– Это слишком двусмысленно.

Серые глаза смотрели пристально. Короткий кивок:

– М-м. Понял.

Через несколько часов они вышли на перрон: Егор впереди, подцепив и свою, и Стешину сумку, подхватил под локоть девушку. Стремительно направился к зданию вокзала, увлекая её за собой. Спутница едва за ним поспевала, смущенно оглядываясь по сторонам и кутаясь в тонкой куртке.

– Ты куда меня тянешь?

– Домой, – коротко бросил он, не останавливаясь.

Стеша резко остановилась. Её толкали в спину – следовавшие за ней пассажиры не успели затормозить и обойти, врезались. Недовольно ругались.

– А как насчет уважения чужого мнения? Гусарам это не знакомо? – Она с вызовом посмотрела на юношу.

Он остановился посреди перрона, похожий на темный неприступный остров посреди океана. Толпа сновала вокруг, толкая и его, и её. Посмотрел серьезно, в серых глазах застыла мгла.

– Я дал тебе возможность выбора. Не удовлетворившись им, принял решение, которое мне кажется более рациональным.

– Я никуда с тобой не пойду, – упрямо повторила девушка, выставив вперед подбородок.

Чертики в глазах молодого человека заняли круговую оборону.

– Твоя сумка с паспортом у меня, если что.

Стеша протянула руку:

– Отдай.

Егор прищурился, склонил голову к плечу, но не пошевелился. Серые глаза спокойно улыбались.

– Хорошо. Компромисс. Как юрист ты должна их обожать. Ты останешься у меня на три дня, пока не разберешься со своими проблемами и не решишь, возвращаешься ты в Москву или остаешься в Питере. Так пойдет?

Стеша опустила глаза. Рука нерешительно повисла в воздухе. Егор протянул открытую ладонь, дотронулся до девичьего запястья кончиками пальцев. Впервые за эту ночь, проведенную так близко.

– Ну же, Степа, соглашайся.

– Степа? – Девушка ошарашенно уставилась на него.

– Степанида Батьковна, – исправился, не моргнув глазом, он и добавил хитро: – Приставать не буду, завтра вообще в наряд уйду, так что сутки нас с Митькой не будет.

И, подхватив девушку за локоть, потянул к себе и мягко вынудил сделать шаг навстречу.

Глава 6. Коммуналка

У старых городов есть удивительное свойство сохранять и прятать в своих лабиринтах, по соседству с многоэтажными гигантами, узкие улочки, серые подворотни, темные в своей безысходности колодцы дворов. Город, накопив за свою историю великое множество таких вещей, распихал их, словно детали головоломки, между особняками, мостами, ловко всунув между ними забытые богом забегаловки, подозрительного вида пельменные, знававшие еще Ильфа и Петрова.

Так прячут от нас наши детсадовские рисунки заботливые руки родителей, бабушек и дедушек, чтобы вынести их на свет божий тогда, когда перестаешь понимать, кто ты и куда ты идешь, человек ты или машина для суеты. Когда к горлу подступает тошнота от очередного прожитого дня, ничем не отличающегося от череды предыдущих. Будильник, утренний кофе, метро, работа, метро, вечерний чай, будильник. Сомнительное разнообразие серых будней ссорой с ребенком из-за невыполненного домашнего задания или с соседкой из-за мешающей проходу детской коляски.

Старые города нужны, чтобы мы помнили.

– Заходи. – Егор распахнул перед Стешей темное нутро съемной малогабаритной «двушки». Высокие потолки с выцветшей лепниной, старенькие обои, заботливо подклеенные временными жильцами. – Твоя комната прямо по коридору и налево. Кухня – прямо по курсу. Маленькая, но все есть, Марго вроде довольна...

– Марго?

– Жена Митькина.

Егор забросил свою сумку в комнату напротив входа, по дороге показывая владения:

– Эта комната чуть больше, зовем между собой «хоромы царские». Собственно из-за этого панно. – Он показал на вычурную композицию обнимающейся парочки в окружении амуров, ухмыльнулся. – Моя – теперь твоя – девять квадратных метров. Ничего, кроме кровати, встроенного шкафа и тумбочки, не помещается. Зато с видом на Неву. Ванная здесь. – Он толкнул узкую крашеную дверь, автоматически стянув с полотенцесушителя мужские спортивные штаны. Свободной рукой сгреб с полки две пустые банки из-под пены для бритья, подмигнул Стеше: – Вот так и живем. Квартира так-то доценту с Митькиной кафедры принадлежит. Мировой мужик. Присматриваем за квартирой и пожилой соседкой, поливаем цветы, оплачиваем коммуналку и счетчики... Ты устраивайся.

Он посмотрел на притихшую девушку.

– Если у матросов нет вопросов, то можем пойти гулять. Только мне в Академию надо забежать, отметку о приезде сделать.

– Я домой позвоню, хорошо? – Стеша прислонилась к косяку, устало выдохнула.

Она прошла в комнату, притворила за собой дверь.

Все, как и рассказывал Егор. Узкий диван у стены, рядом – ниша, приспособленная под встроенный шкаф. Небольшая тумбочка. Окна выходят на проспект, на закованную в гранит Неву. Стеша присела на край дивана, достала из сумки сотовый, задумалась.

В коридоре что-то грохнулось. Егор тихо чертыхнулся.

Она набрала номер. Отец взял трубку сразу, без приветствия сказал:

– Даже не говори, где находишься. Под пытками могу сдать. Телефон отключи. Связь ежевечерне в 20.00. Деньги выслать?

– Нет, у меня есть. – Девушка шмыгнула носом.

– Ты как? – Отец говорил сдержанно, как с посторонним. Девушка догадывалась почему.

– Нормально.

– Ну, держись, дочь. Все, идут. До вечера.

Стеша нажала кнопку отбоя, вынула из телефона батарейку и улыбнулась: как минимум один союзник у нее есть.

Сбросила куртку.

Мужская комната не предполагала наличие зеркала.

Стеша пригладила волосы, оправила рубашку и вышла из комнаты.

Егор, в майке, форменных брюках и цветастом фартуке, орудовал на кухне. Стеша поймала себя на мысли, что ей приятно наблюдать за его движениями. Непринужденная сила и уверенность внушали доверие и желание... прикоснуться. Стеша покраснела. Нет, она не это имела в виду. Она подумала, что этот парень мог бы стать кому-то отличной опорой в жизни. Кому-то. Не ей, конечно.

Егор неожиданно обернулся, заставив девушку покраснеть до пунцового цвета под его пронизательным и ироничным взглядом. Та торопливо заправила волосы за уши, закусила губу.

В кухне пахло свежесваренным чаем, над стоящей на плите кастрюлей подпрыгивала крышка, словно салютуя гостю.

Заметив ее появление в дверях, Егор сделал приглашающий жест.

– Садись, покормлю тебя, – покосился на нее, но от вопросов воздержался. – Кстати, если что купить надо из продуктов или еще чего необходимого, деньги вот тут. – Он кивнул на шкапулку на холодильнике. – Сейчас не густо, но на днях мы с Митькой пополним. Деньги общие, если что. Так что не стесняйся.

– Спасибо, у меня все есть.

Он снова кивнул и отвернулся к плите, бросая в кипяток шарики из теста:

– В морозилке пельмени обнаружались. Ты пельмени ешь?

– Я всеядна, как нильский крокодил.

– М-м, ценное качество для девушки, – отметил Егор. – И резину употребляешь?

Стеша удивленно изогнула бровь:

– Советуешь?

Он расхохотался, почесал щетину.

– Нет, просто Митькина Марго очень готовить любит... Но не умеет катастрофически. Хотя, может, тебе повезет и ты ее стряпню не застанешь, верно?

Он прислонился бедром к столешнице, отправил пельмень в рот – на проверку готовности. А Стеша поймала себя на мысли, что уж она-то бы его, Егора, удивила. В плане кулинарии, конечно.

* * *

«Мое бесценное сокровище!

Ты прочтешь эти строки, ложаешься в постель в чужом месте в незнакомом доме. Дай Бог, чтобы поездка оказалась приятной и интересной, а не слишком утомительной или слишком пыльной. Я очень рада, что у меня есть карта и что я могу следить по ней ежечасно за тобой. Мне ужасно будет недоставать тебя. Но за тебя я рада, что ты будешь в отсутствии два дня – получишь новые впечатления и не будешь слушать Аниных выдумок»³.

³ Из письма Александры Федоровны. 28 апреля 1914 года, Ливадия.

* * *

Агентство «Консул» занимало правое крыло в одном из самых престижных бизнес-центров северной столицы. Светло-серый мрамор, подсветка, благородный черный гранит производили впечатление на Георга, вызывая острое желание узнать стоимость аренды. Но праздное любопытство было чертой, от которой пожилой англичанин избавлялся всю свою сознательную жизнь, поэтому он молчал, исподтишка разглядывая затейливые канделябры.

Сопровождавшая его девушка провела гостя на четвертый этаж, пригласив в знакомую уже переговорную комнату и предложив чаю, от которого Георгий Андреевич решил в этот раз не отказываться.

– Дорогой Георгий Андреевич! – Директор агентства бросился к нему, не дав допить желанный напиток. – Очень. Очень рад вашему приходу!

Мистер Иван сдержанно кивнул и по привычке пригласил собеседника занять удобное место. Смущен из-за своей бестактности, поправил гладко зачесанные назад седые волосы.

Уже месяц он добивается от агентства результатов работы. Любых. В конечном счете отрицательный результат – это тоже результат. Месяц болтался между Лондоном и Санкт-Петербургом, досконально изучив все табло в залах ожиданий. На этот раз заказчик просил проявить настойчивость и вернуться с семейной реликвией дома Романовых, пообещав удвоить комиссионные в случае успеха. Георг бы старался и без этого обещания – так утомило его это задание.

Лысоватый директор доверительно скривился, изобразив на лице крайнюю степень сожаления:

– Хозяйка категорически отказывается встречаться с нашим представителем. Мы делаем все возможное, чтобы убедить ее.

– Меня рекомендовали вас как профессионалов высокого класса. – Георг с трудом сдерживал раздражение. – Это предполагает умение вести переговоры с разными клиентами... Я бы хотел получить координаты этой почтенной дамы и пообщаться с ней сам. Уверю, если мне придется удостовериться в ее несговорчивости, на оплату ваших услуг это никак не повлияет, я подтверждаю заказчику ваши старания.

Директор агентства насупился, достал из внутреннего кармана пиджака блокнот и, вырвав из него страничку, написал адрес и имя. Протянул листок англичанину:

– Надеюсь, вам удастся больше, чем моим сотрудникам. – Впервые в его голосе мелькнули реальные, неподдельные эмоции. И Георгу стало от них не по себе: в голосе собеседника отчетливо почудилась неприязнь.

Глава 7. Митька

Они бродили по мощеным мостовым, много раз спускались к Неве, кормили чаек и голубей. Егор улыбался и молчал. Стеша то и дело ловила на себе его пристальный взгляд. Смущалась.

– А какая у тебя фамилия? – спросила она, чтобы рассеять возникшую неловкость.

– Данилов.

– А звание?

– Старший лейтенант.

– Старший лейтенант Данилов Егор... а дальше?

– Алексеевич, – подсказал он, не сводя с нее серых, как вода в Неве, глаз.

– Очень приятно познакомиться, старший лейтенант Данилов Егор Алексеевич. – Стеша поправила волосы, растрепавшиеся порывом ветра. – А по специальности ты кто?

– Я – уши и глаза подводной лодки. Акустик.

Стеша прислонилась к гранитному парапету, разглядывая своего собеседника. Бывают красавчики на свете. Томный взгляд с поволокой, нарочитая небрежность в движениях, самодовольство и самолюбование собственной привлекательностью. С таким нарциссом может быть глазам приятно, но душой холодно, потому как нет от них тепла человеческого. И Стеше было приятно, что все это – не про ее нового знакомого, с которым так настойчиво сталкивала ее судьба.

Привлекательный, но не лощеный. С умным и ярким взглядом, в котором отражается она, Стеша. Руки сильные и умелые. «И кудри дев ласкать, и гривы своих коней»⁴, так ведь в романсе пелось? «Цари на каждом бранном поле и на балу». И, что бы она там ни думала вначале, его слова «Я мужчина и буду принимать решение» зацепили ее. Она не слышала таких слов от кого бы то ни было. И... ей это оказалось приятно.

– Ты меня разглядываешь. – Чертики в серых глазах с любопытством замерли, уставившись на нее.

Стеша покраснела.

– Даже и не думала. Закат красивый.

– Ну, коне-ечно. – Он повернулся к Неве, лукаво уставившись на зажигающиеся огни набережной.

* * *

– Нам хлеб надо взять и творог, соседке, – сказал Егор, когда они уже подходили к дому. Они зашли в придомовой магазинчик и, выбрав нужные продукты, поднялись на свой этаж.

Егор направился к двери квартиры напротив, обитой черным дерматином. Троекратное нажатие на черную кнопку и однократный стук. Повернулся к Стеше, подмигнул:

– Условный сигнал, – прошептал одними губами.

За дверью послышались шаркающие шаги.

– Кто там?

– Я, Ираида Семеновна, Егор. Принес обещанный хлеб и творог. Митька оставил ЦЭУ на тумбочке.

⁴ Строки из стихотворения Марины Цветаевой «Генералам двенадцатого года», 26 декабря 1913 года. Стеша имеет в виду романс из к/ф «О бедном гусаре замолвите слово» (сл. М. Цветаева, муз. А.Петров), написанный на эти стихи.

Дверь в ту же секунду распахнулась, из полумрака коридора показалась седая голова с модным асимметричным каре, стала видна лучезарная улыбка. Ираиде Семеновне на вид было не меньше восьмидесяти лет, при этом она сохранила горделивую осанку, ясный взгляд и девичье любопытство. Заметив на лестничной площадке рядом с Егором незнакомую девушку, дама с нескрываемым интересом на нее покосилась.

– Дорогие вы мои помощники, так рада вашему соседству, даже не представляю, что буду делать, когда вы уедете.

Егор передал ей пакет из магазина, усмехнулся:

– Не беспокойтесь, мы передадим шефство над вами в надежные руки.

Старушка не выдержала:

– А эта очаровательная брюнетка, надеюсь, твоя девушка?

Стеша покраснела от неожиданности и растерялась – чего не скажешь о молодом человеке. Тот заговорщицки покосился на спутницу и, наклонившись к пожилой даме, прошептал, будто сообщая невероятно секретную информацию:

– Я на это тоже сильно надеюсь.

Дама тут же ему подыграла, махнула рукой и прошептала:

– Дай-то бог. Чудо, как хороша!

Стеша вспыхнула, пробормотала:

– Спасибо, Ираида Семеновна, вы меня в краску вогнали, – и настойчиво потянула Егора за рукав к их квартире.

Старушка перехватила его локоть, притянула к себе, указательным пальцем постучала в грудь:

– Не будь дураком. Не упusti девочку...

– Надеюсь на вашу помощь!

Пожилая дама понимающе кивнула и подмигнула парню.

Стеша, чувствуя спиной ее заинтересованный взгляд, искоса посмотрела на молодого человека:

– Так ты хотел бы, чтобы я была твоей девушкой? – Она говорила с нескрываемой иронией.

Смутить Егора было бы неплохо, а то вон, улыбается во весь рот. Молодой человек бросил на нее лукавый взгляд через плечо и, закончив возиться с замком, распахнул дверь. После чего наклонился к своей спутнице, звонко чмокнул ее в щеку и прошептал:

– Ты все слышала.

Стеша испепеляюще на него посмотрела. Проходя мимо, специально задела плечом:

– Вы слишком много о себе думаете, товарищ старший лейтенант.

Старушка наблюдала за ними через глазок, пока пара не скрылась за дверью. Егор, помогая девушке снять верхнюю одежду, прошептал:

– У меня еще три дня, чтобы покорить твое сердце. Успе-ею!

Стеша развернулась к нему, запрокинула голову, спросила с усмешкой:

– А оно не покорится. Что тогда будешь делать?

В серых глазах мелькнула черная тень, бесенята насторожились, в голосе проступила хрипотца.

– Тогда мне придется тебя отпустить, – неожиданно серьезно проговорил он.

* * *

Митя Томский оказался полной противоположностью Егора. Низенький, приземистый и крепкий, он был ничуть не полным, но скроен прочно, ладно, добротнo. Светлые глаза смотрели спокойно, без тени удивления. Изменения в связи с появлением незнакомой девушки

принял с пониманием, добродушно намекнув Егору, что тот рискует переездом к Ираиде, если Марго нагрывает раньше срока.

– А это может быть, – озадаченно потер подбородок Данилов. – Я об этом не подумал.

Стеша смутилась, поторопилась успокоить:

– Я ведь и раньше съехать могу...

Парни посмотрели на нее как на ребенка, ляпнувшему глупость.

– Ерунда, – отрезал Митька, подталкивая ее в кухню, где пахло жареной картошкой и огуречным салатом. – Ираида Семеновна – редкой души человек, этот чертыка будет с ней в надежных руках, накормлен, приголублен, почищен и развлечен...

– Я уже начинаю мечтать о возвращении Марго, – усмехнулся Егор.

Простой, почти семейный ужин. Митя чаще отмалчивался, подыгрывая товарищу.

Стеша наблюдала за ними, невольно сравнивая.

– Вы оба такие... похожие и разные одновременно, – проговорила она наконец. Егор собрал посуду со стола, отправил в мойку. Стеша опять поймала себя на мысли, что исподтишка наблюдает за ним, не в силах оторваться от его рук. Нервно сглотнула и встретила внимательный взгляд Мити, который поверг ее в панику. Девушка побледнела, но уши полыхнули огнем.

Митя понимающе отвел взгляд, кивнул:

– Конечно, мы разные. Егор – охотник. Зоркий взгляд, тонкий слух и вообще, – он иронично подбирает слова, – тонкая душевная организация. Одно слово – акустик.

– А вы, Митя? Кем будете после окончания академии?

– Химзащита, – коротко отозвался тот.

Егор хмыкнул.

– Митька на самом деле прибудняется. Он как отличник боевой и политической имеет все шансы в академии остаться.

Митя коротко вздохнул и встал из-за стола.

– Да уж, – усмехнулся и вышел из кухни, оставив Егора и Стешу одних. – Я спать.

Егор кивнул, не оборачиваясь, пододвинул заварник-пресс.

– Чаю хочешь? – спросил, уже нажимая кнопку чайника.

Девушка кивнула, вставая.

– Только можно я сама заварю? Пельмени ты, конечно, варишь отменно, но чай заваривать не умеешь. – Она сняла с полки жестяную банку с индийским слоном, посмотрела на него задумчиво. – Чай – это таинство. Загадка. Букет ароматов и настроение на весь вечер. А ты, прости, делаешь из него пойло.

Егор скрестил руки на груди:

– Вот это удар так удар. Просто под дых!

Она попробовала отодвинуть его от стола, чтобы достать специи. Он демонстративно не пошевелился, замер как скала. В серых глазах бесенята разожгли костры и устроились поудобнее. Выразительно на него посмотрев, Стеша приподнялась на цыпочки и, опершись на его плечо, потянулась за коробкой. Егор деликатно поддержал ее за талию и мягко промурлыкал:

– Давай-давай, колдуй-команда, покажи класс.

– Первоначально чай использовался в качестве лекарственного средства, – голосом лектора начала Стеша, открывая жестяную банку. – Его употребление в качестве напитка широко распространилось во время китайской династии Тан. По преданию, император Шэнь-нун путешествовал в поисках целебных трав с котлом на треножнике, в котором кипятил воду для целебных отваров. В две тысячи семьсот тридцать седьмом году до нашей эры в котел с кипятком упали несколько листочков чайного дерева...

– Как-как листок чайного дерева попал в котел с кипятком? Прямо на ходу или во время стоянки? Это чрезвычайно важно. – Егор с невинным видом схватил бумажную салфетку с карандашом и сделал вид, что записывает.

Стеша холодно отозвалась:

– Об этом история умалчивает... Впечатляемый, не перебивайте. – Она плеснула кипятком в заварник, тщательно ополоснула его, убедилась, что стенки стали горячими, и вылила кипяток в раковину, задев при этом Егора бедром. – Так вот. Продолжаем разговор. Другой миф, более позднего происхождения, приписывает изобретение чая знаменитому буддистскому проповеднику, основателю чань-буддизма... – Стеша задумалась, вспоминая имя, – Бодхидхарме. По преданию, в пятьсот девятнадцатом году он предавался медитации...

Молодой человек изумился:

– Чему-чему он предавался?

– Ме-ди-та-ции. – Стеша насыпала в горячий чайник черные травяные хлопья, добавив к ним несколько цветков гвоздики и корицу на кончике ножа, долила кипятка, слегка притопила прессом. – Во-от, и уснул он после этой самой медитации. Проснувшись, в гневе вырвал ресницы или даже отрезал себе веки, такое тоже, говорят, возможно, и бр-росил их на землю. На следующий день в этом месте выросли саженцы чайного дерева. Бодхидхарма попробовал отвар из листьев и обнаружил, что они прогоняют сон... Надо чайник нормальный взять, толстенный, керамический. В этих новомодных прессах вкусно не заварить.

Она взяла чистое полотенце и укутала в него чайник. С чувством исполненного долга повернулась к Егору.

Он наблюдал за ней внимательно. Без тени иронии. Чертики в серых глазах смущенно попрятались. Стеша не отвела взгляд. Чуть закусил нижнюю губу, посмотрела искоса. Егор неловко откашлялся.

– Википедией ты владеешь на отлично, – произнес он наконец. Голос будто стал на несколько тонов ниже.

Стеша усмехнулась:

– Так я – вообще отличница. Гордость института, друзей и родителей. Надежда всей современной, не побоюсь этого слова, юриспруденции. – Она горела изнутри. Искрилась, словно бенгальский огонь. Впервые в жизни. Оказывается, она могла вот так откровенно флиртовать, не лезть за словом в карман, очертя голову смеяться и смотреть в эти серые глаза, на дне которых отплясывали бесенята. Оказывается, рядом с дорогой из желтого кирпича существует мир.

Стеша смутилась еще больше под его изучающим взглядом.

– Кстати, в Азии заварные чайники никогда не моют. Только ополаскивают водой, благодаря чему на стенках образуется специальный слой, танин. Тогда чай получается крепче, сохраняет все свои свойства.

– Серьезно?

Стеша кивнула. Сняв полотенце с чайника, опустила прессом раскрывшиеся листики, долила кипятка до самого верха.

– Позови Митю, все готово.

Но Митя сделал вид, что уже уснул. Притворив за собой дверь, тихо включил телевизор и на приглашения не отзывался.

– Откуда у тебя столько информации о чае? Еще и с этой историей про танин? – Они пили ароматный напиток, украдкой смотрели друг на друга.

Стеша улыбнулась:

– Это все мой дядя, он когда-то служил в Средней Азии. Вот, рассказывал байки. Сейчас под Иркутском живет.

– А родители? – Егор сразу почувствовал, что ступил на опасную почву, девушка напряглась, пальцы вцепились к кружку до белизны костяшек.

– Отец – довольно крупный специалист в области гражданского права. Консультирует парламентские группы по вопросам законотворчества. Он классный. А мама очень красивая. Гораздо красивее меня. – Девушка с грустью уставилась перед собой.

Егор многозначительно хмыкнул:

– Значит, когда ты станешь пожилая, умудренная годами дама, ты будешь точно такой: очень красивой и успешной. Есть такая примета. Мы, парни, даже приглядываемся к родительницам наших возлюбленных, чтобы понять, какими те станут после нескольких лет брака. – Он задумчиво посмотрел на девушку. – Мы подспудно выбираем свои половинки, ориентируясь на имеющийся опыт. Парни выбирают жен, похожих на собственных матерей. Девчонки – мужей, похожих на своих отцов. Круговорот жизни.

Глава 8. Сама

13 апреля

07.45

Санкт-Петербург

Стеша проснулась около восьми утра. За окном шелестели, разбивая холодные лужи, машины, вздыхала, просыпаясь, Нева, шуршала свинцовыми волнами по граниту, морщилась. Весеннее солнце, укрытое сумрачным туманом, сонно пялилось на прохожих, мутно отражалось в покрытых уличной пылью боках проезжавших авто.

Девушка прислушалась: в квартире было тихо.

Нацепив джинсы и оправив футболку, она выскользнула в коридор.

– Егор, Митя, вы дома? – бросила она в полумрак, вспоминая, что еще вчера ребята предупреждали, что утром уйдут на занятия.

Дверь в опустевшие «хоромы царские» оказалась распахнута, а на тумбочке под зеркалом белел вырванный из блокнота листок, исписанный убористым мужским почерком. «Будем завтра после 16.00. Не скучай. Мой телефон на „пожарный“ случай 8–981-***-99–77. Егор».

И в углу нарисован цветочек, похожий на растрепанную ромашку. Рисовал старший лейтенант Данилов так себе.

Стеша усмехнулась, посмотрела в зеркало на свое отражение, пригладила темные волосы: новый день в новой жизни. Сегодня надо многое успеть.

В голове кружились хороводом мысли о родителях, сцена с Олегом то и дело всплывала в памяти, эти фото, от которых становилось муторно и непонятно – знала ли она этого человека, этого всегда аккуратно подстриженного мужчину, пропитанного тонким ароматом дорогого одеколona, самоуверенностью и властью. Но все затмевала вчерашняя чайная церемония с Егором. Она еще чувствовала его руки на своей талии, сильные и в то же время нежные. И эти бесенята в серых, как питерское небо, глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.